

УДК 930(47)“192/193”

Л.В. Ландина

ПОНЯТИЕ АБСОЛЮТИЗМА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920–1930-х ГОДОВ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИЛИ ДИСКРЕТНОСТЬ?

В статье речь идет о степени преемственности и дискретности методологических трансформаций концепта абсолютизма в первые советские десятилетия, формировании концепции «равновесия» и роли в этом различных методологических направлений. Показаны особенности этого процесса в отношении абсолютизма в Западной Европе и в России, а также причины, по которым названный комплекс проблем не был озвучен в полной мере.

Ключевые слова: западноевропейский абсолютизм, Старый порядок, методология, концепция «равновесия», преемственность, дискретность, теория «торгового капитала», дореволюционная историография, советская историография.

Работа, посвященная методологии и историографии – традиционно неоднозначным и дискуссионным областям исторической науки, ставит автора в весьма сложное положение. Суть его выражает вопрос: что, собственно, нового автор собирается сказать, вынося в заголовок проблематику абсолютизма? Историографическая рефлексия абсолютизма уже стала самостоятельным полем исследований. И это совершенно не удивительно. Абсолютизм – и как форма государственного устройства, и как специфический социальный и культурный феномен – является одной из центральных проблем истории раннего Нового времени. Достаточно вспомнить, что «регулярное государство» в этот период контролировало не только общественную, но и в значительной сфере частную жизнь, создав при этом особую политическую культуру. Только за последние годы вышли работы академического уровня таких авторов, как В.Н. Малов¹, П.Ю. Ува-

ров², А.В. Чудинов³, С.К. Цатурова⁴, Л.А. Пименова⁵. Проблема западноевропейского абсолютизма была затронута в ряде сюжетов коллективного третьего тома «Всемирной истории»⁶, а затем стала одной из обсуждаемых тем во время круглого стола, посвященного этому изданию⁷. И, наконец, можно ли вообще сделать какие-то существенные добавления в понимание процессов, проходящих в советской историографии 1920–1930-х годов, и формирование концепции «равновесия» после «Науки “убеждать”...» С.В. и Т.Н. Кондратьевых^{8,9}?

Тем не менее, предлагаемый в данной статье сюжет, при кажущейся его очевидности, все же никогда не комментировался в полной мере, несмотря на то что, возможно, осознавался в научном сообществе. Речь идет о специфическом характере измене-

¹Уваров П.Ю. Французский король, его суды и его подследственный (дело Филиппа Кавелье, 1546–1553) // Искусство власти: Сборник в честь проф. Н.А. Хачатурян. СПб., 2007. С. 236–257.

²Чудинов А.В. «Королевское самодержавие» во Франции: история одного мифа // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции: К 100-летию Б.Ф. Поршнева (1905–1972). М., 2005. С. 259–293.

³Цатурова С.К. Король Франции и его чиновники: (Своеобразие реализации принципа абсолютной власти Quod principi placuit) // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции: К 100-летию Б.Ф. Поршнева (1905–1972). М., 2005. С. 129–149; *Она же*. «Парламент при своем возникновении был государственным собранием»: истоки политических притязаний парламентариев: (размышления о своеобразии французской монархии // Средние века. 2014. Вып. 75 (3–4). С. 9–42.

⁴Пименова Л.А. Власть монарха абсолютна, но не произвольна: Людовик XVI и парламенты в 1774 г. // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции: К 100-летию Б.Ф. Поршнева (1905–1972). М., 2005. С. 195–222.

⁵Всемирная история: В 6 т. М., 2013. Т. 3: Мир в раннее Новое время / отв. ред. В.А. Ведюшкин, М.А. Юсим.

⁶Раннее Новое время и «Всемирная история» в шести томах: размышления над страницами третьего тома: (Материалы круглого стола, состоявшегося в Институте всеобщей истории РАН 11–12 декабря 2013 г.) // Средние века. 2014. Вып. 75 (3–4). С. 324–386.

⁷Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Наука «убеждать», или споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е – начало 50-х годов XX века. Тюмень, 2003. См. также: Кондратьева Т.Н. Проблемы французского абсолютизма в отечественной медиевистике 20-х – начала 50-х годов XX века: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2002; Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Б.Ф. Поршнев – интерпретатор французского абсолютизма // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции: К 100-летию Б.Ф. Поршнева (1905–1972). М., 2005. С. 68–85; *Она же*. Б.Ф. Поршнев в дискуссии о роли классовой борьбы в истории (1948–1953) // Французский ежегодник 2007: Советская и французская историография в зеркальном отражении: 20-е – 80-е годы XX века. М., 2008. С. 34–54.

¹Малов В.Н. Три этапа и два пути развития французского абсолютизма // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции: К 100-летию Б.Ф. Поршнева (1905–1972). М., 2005. С. 86–128. См. также: *Она же*. Парламентская Франция: Франция, 1643–1653. М., 2009.

ний концепта западноевропейского абсолютизма в 1920–1930-х годах, о происхождении концепции «равновесия» и о причинах, по которым отнюдь не все в этом кругу вопросов было предметом рассмотрения и обсуждения.

Исследование развития концепта европейского абсолютизма от появления в «русской школе» до сегодняшнего дня дает возможность панорамного, системного видения. Парадоксальные на первый взгляд выводы о методологической преемственности дореволюционной и советской трактовок западноевропейского абсолютизма выявились при сопоставлении оригинальных текстов и послуживших для их написания источников. Неужели никто не замечал вполне очевидного? Оказалось, что это не совсем так.

С.В. Кондратьев и Т.Н. Кондратьева справедливо отмечают, что абсолютистская проблематика досталась советской историографии от дореволюционных ученых, которые могли использовать понятия «абсолютизм» и «старый порядок» как синонимы и никогда не пренебрегали социальной проблематикой⁹. Однако собственно анализ дореволюционных трактовок абсолютизма в задачи авторов «Науки “убеждать”...» не входил. В написанной ими позднее статье о Б.Ф. Поршневе высказанная в их монографии мысль была выражена еще раз: «Сегодня бытует мнение, что советская историография кардинально пересмотрела дореволюционную концепцию абсолютизма. Но так ли это? Очевидно, что номенклатура поставленных советской наукой вопросов в значительной мере совпадала с дореволюционной... Советских историков, как и их предшественников, интересовали идентичные вопросы: когда абсолютизм возник? Чьи интересы выражал? Как складывались отношения государства с различными сословиями/классами? Какую эволюцию/этапы абсолютизм пережил? Как связан абсолютизм и имевшие место в Европе “буржуазные” революции? Расхождения были в ответах»¹⁰. Несмотря на приведенную здесь же лапидарную характеристику дореволюционного концепта абсолютизма, исследователей занимают все же другие эпохи и персоналии.

В «Науке “убеждать”...» наиболее тщательно и образно проработаны 1930–1950-е годы, для которых авторы не жалеют красок и используют обширные архивные материалы. Методологический же переход 1920-х годов выглядит несколько схематично.

Поворот к трактовке абсолютизма как государства «торгового капитала» не был столь резок, работы 1920-х годов показывают богатую методологическую палитру. Концепт же западноевропейского абсолютизма демонстрирует парадоксальную устойчивость, несмотря на радикальную смену ценностей в исторической науке Советской России.

Изданная в 1920 г. работа обобщающего характера А.Г. Вульфуса структурно и концептуально, по сути, принадлежит дореволюционной традиции¹¹. В характеристике Нового времени господствует позитивистская многофакторность. Абсолютизм занимает одно из центральных мест, второй период Новой истории так и назван – «эпоха расцвета абсолютизма и усиления буржуазии»¹². Несмотря на реверанс в сторону новой методологии и теории экономического материализма, «развитой впервые с гениальной силой Карлом Марксом в его знаменитом труде “К критике политической экономии” (1859), являющейся как бы введением к еще более знаменитому “Капиталу”» (здесь и далее курсив мой. – Л.Л.)¹³, увидеть в данной работе какие-либо концептуальные инновации проблематично. И тем удивительнее выглядит сходство выкладок Вульфуса с будущими характеристиками советской историографии (разумеется, с поправкой на дискурс периода). Итак, согласно А.Г. Вульфусу, в Новое время «в жизни политической решающим фактором выступает повсеместное усиление монархической власти, вплоть до полного торжества абсолютизма... в жизни социальной наблюдается, с одной стороны, превращение старой полунезависимой феодальной знати в совершенно подчиненное в политическом отношении, но привилегированное в сословном отношении поземельное дворянство, а с другой – развитие буржуазного сословия; в жизни экономической характерное явление заключается в нарождении первых форм капиталистического хозяйства в производстве и торговле»¹⁴. Еще более поразителен такой пассаж об абсолютизме: «Там, где она достигает полного успеха, абсолютная монархическая власть вступает в теснейшую связь с дворянством и становится на страже его сословных привилегий и преимуществ. Этим как бы компенсируется потеря дворянством прежней феодальной независимости. Буржуазия, которая в конце Средних веков была еще верною союзницей мо-

¹¹ Вульфус А.Г. Западная Европа в Новое время. Пг., 1920.

¹² Там же. С. 27.

¹³ Там же. С. 14.

¹⁴ Там же. С. 17–18.

⁹ Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Наука «убеждать»... С. 241.

¹⁰ Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Б.Ф. Поршнев – интерпретатор французского абсолютизма. С. 68–69.

нархической власти, оттесняется на второй план, т. е. попадает в положение, совершенно не соответствующее ее растущему богатству и значению. Отсюда неизбежность сословной розни между дворянством и буржуазией, розни, которая очень сильно будет чувствоваться в XVIII в. во Франции и составит один из мощных двигателей Великой Французской Революции»¹⁵. Это написано вовсе не историком-марксистом. Но где здесь хоть один тезис, с которым бы не были согласны советские медиевисты?

Литература по всеобщей истории переходных 1920-х годов – это в основном работы обобщающего плана, что иллюстрирует методологически разнообразный учебный сборник «Англия и Франция на исходе XVIII в. (Экономика и идеология)»¹⁶, в котором авторы представляли разные поколения и школы. Молодыми исследователями Я.М. Захером и А.П. Вигдорчик была написана глава «Экономическое положение Франции накануне революции». Она выражено марксистская, что, разумеется, ново. Глава начинается с утверждения о противоречии производительных сил и производственных отношений. Франция показана экономически отсталой страной, не имевшей предпосылок для аграрного капитализма, а в политическом отношении «типичным самодержавно-бюрократическим государством», где действовал принцип «нет земли без сеньора»¹⁷.

Выраженное негативное отношение к абсолютизму, как системе, исчерпавшей свой потенциал и приведшей к буржуазным революциям, логичное для марксистов, тем не менее, унаследовано от дореволюционных историков. Оно останется в советской медиевистике и новистике и по инерции сохранится в дальнейшие годы. Эта преемственность, не комментируемая советскими историками, выявлена и проанализирована А.В. Чудиновым¹⁸. Отмеченная им ценностная преемственность, несколько неожиданная, совершенно не случайна. Она очевидна из общего неприятия абсолютной монархии как системы и либералами, и марксистами в России.

Методологическое разнообразие демонстрировало, например, «Падение абсолютизма в Западной Европе» Е.В. Тарле. Здесь и выводы социологии о том, что «физическая и психическая сила общественных масс» управляется «условиями произ-

¹⁵ Там же. С. 21–22.

¹⁶ Англия и Франция на исходе XVIII в.: (Экономика и идеология). Пг., 1922.

¹⁷ Там же. С. 69–75.

¹⁸ Чудинов А.В. Указ. соч. С. 259–293.

водства и распределения экономических благ»¹⁹, и распространение абсолютизма на Древний Восток, Персию, эллинистические государства, Рим и Византию²⁰, по схеме Н.И. Кареева. Согласно Тарле, абсолютизм становился вредным для общества «с того самого момента, как становился бесполезен»²¹. Для абсолютизма реформирование есть отказ от своей неограниченной природы, т. е. «самоубийство». Поэтому свержение абсолютизма происходит революционным путем²².

Неоднократно переиздаваемая «Новая история» Р.Ю. Виппера трактовала абсолютизм вполне традиционно – как неограниченную власть короля и назначаемых им чиновников, возможную вследствие бессилия штатов и разъединения сословий²³. Абсолютизм воплощал Старый порядок – строй, основанный на закреплённом сословном неравенстве, защищаемом государственной властью, охраняющей «интересы немногих»²⁴. В наиболее полной трехтомной версии «Учебника истории» указывается на возможность абсолютной монархии «взять в свои руки управление главными источниками страны, особенно в области торговли и промышленности»²⁵, и приводится уже традиционная трактовка социальной направленности абсолютизма: «Опрокидывая политическое влияние высших классов, монархия оставила в силе их социальные привилегии»²⁶.

В работе, написанной в 1925 г. и представляющей собой подборку источников по истории раннего Нового времени, С.Д. Сказкин также отождествляет абсолютизм и Старый порядок во Франции²⁷. При этом влияние дореволюционной интеллектуальной традиции на С.Д. Сказкина было определяющим, несмотря на набирающий силу марксизм. Это очевидно из прилагаемого списка литературы. Здесь Н.И. Кареев, А.Н. Савин, П.Н. Ардашев, Е.В. Тарле, М.А. Рейснер, а также А. де Токвиль, И. Тэн, А. Сорель и... ни одного представи-

¹⁹ Тарле Е.В. Падение абсолютизма в Западной Европе: Исторические очерки. М., 2010. С. 6.

²⁰ Там же. С. 11–14.

²¹ Там же. С. 53.

²² Там же. С. 33–34, 40.

²³ Виппер Р.Ю. Новая история: [в 2 кн.]. М., 1923. Кн. 1: Новая история: 1500–1789. С. 105–106.

²⁴ Там же. С. 204.

²⁵ Виппер Р.Ю. Учебник истории: [в 3 кн.]. Рига, 1925–1928. Ч. III: Новое время. С. 159.

²⁶ Там же.

²⁷ Сказкин С.Д. Старый порядок во Франции. М.: Л., 1925. С. 5.

теля марксистского направления²⁸. Е.В. Тарле в те годы марксистом не считался, как и сам С.Д. Сказкин. Об этом свидетельствует замечание М.Н. Покровского в библиографии к статье об абсолютизме в Большой Советской энциклопедии²⁹.

Согласно С.Д. Сказкину, возникновение абсолютизма связано с условиями хозяйственной жизни и культурным подъемом. Во Франции, где абсолютизм достиг максимальной силы, интересы внешней защиты и право на налогообложение дали в руки королей огромные финансовые средства. При этом французский абсолютизм при своем возникновении не встретил особенного сопротивления ни со стороны феодальной знати, ни со стороны еще слишком слабой буржуазии, ни со стороны пассивного земледельческого населения. «Правительство и двор.., – отмечал Сказкин, – скоро превратились в самодовлеющую величину, в своеобразную формацию, выполнявшую функции управления и вершившую дела, сообразно со своими интересами, ложно отождествляемыми с интересами государства, с осуществлением идеи общего блага»³⁰. В своем стремлении уравнивать всех в повиновении, французский абсолютизм склоняется к деспотизму, «правда, без особого успеха, ибо протест против абсолютизма растет непрерывно»³¹. Во Франции после Кольбера королевские, династические интересы выступают резко, правительство становится дорогостоящим и плохо действующим. Его союз с финансовой буржуазией неизбежно влечет к задолженности, постоянно возрастающему дефициту, с одной стороны, и хищнической эксплуатации податного населения – с другой. «Окруженное непрерывно растущей силой новых общественных слоев, того третьего сословия, которое скоро “станет всем”, правительство становится слишком дорогим, невежественным, презираемым, и, в конце концов, ненужным»³².

Сопоставим интерпретацию С.Д. Сказкина и характеристику социальной опоры абсолютизма, данную Н.И. Кареевым в «Западноевропейской абсолютной монархии...». «В теории абсолютизм должен был осуществлять “общее благо”, на практике после собственного своего интереса на первый план он выдвигал интересы привилегированных сословий, совокупность которых для него,

в сущности, и составляла нацию»³³, – отмечает Кареев. Кареев, в русле современной ему историографии, ведет речь об антагонизме между аристократией и буржуазией, погубившем сословно-представительные учреждения, и о принципе «разделяй и властвуй», благодаря которому абсолютная монархия обрела «один из устоев своей прочности»³⁴. Далее Кареев справедливо указывает на двойственность социальной опоры абсолютизма, когда власть должна была удовлетворять бывшие столь часто противоречивыми требования военно-землевладельческой знати и класса, обладавшего торговыми и промышленными капиталами. Здесь же речь идет о феодальных привилегиях, тормозивших развитие новых сил, и о преимуществах, выпадавших на долю последних, но задевавших привилегированных. Наконец, Н.И. Кареев предельно ясно характеризует политику лавирования и поиска социальной устойчивости властью при абсолютизме: *Нужно было угождать и тем, и другим, в то же время ведя свою собственную линию, причем часто симпатии правительства были на стороне дворянства, а расчет пользы диктовал необходимость содействовать осуществлению стремлений буржуазии. Пока власть более или менее искусно лавировала между двумя основными тенденциями тогдашнего общества, позиция абсолютизма была более или менее непоколебимой... В общем счете абсолютная монархия все-таки больше тяготела к дворянству и содействовала развитию купечества, откуда повсеместно “буржуазный” характер всех революций, направленных против абсолютизма»³⁵.*

Приведенные фрагменты, несомненно, дают немалую пищу для размышлений. Трактовка С.Д. Сказкина показывает характерное для марксизма смещение акцентов с правового на социологический подход. Однако дальнейший анализ текстов приводит к достаточно неожиданным результатам. Например, в свое время советская историография особенно настаивала на неприятии абсолютизма как «надклассового» государства, обвиняя в этом российских дореволюционных историков. Однако в приведенных фрагментах «надклассовость» скорее присутствует в трактовке С.Д. Сказкина, когда он ведет речь об абсолютизме, как о самодовлеющей величине. Разумеется, данный факт можно объяснить переходным периодом в формировании Сказкина как историка-

²⁸ Там же. С. 8.

²⁹ Покровский М.Н. Абсолютизм // БСЭ. 1-е изд. М., 1926. Т. 1. Стб. 90.

³⁰ Сказкин С.Д. Указ. соч. С. 6.

³¹ Там же. С. 7.

³² Там же.

³³ Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: Общая характеристика бюрократического государства и сословного порядка общества Старого порядка. СПб., 1908. С. 270–271.

³⁴ Там же. С. 271.

³⁵ Там же. С. 271–272.

марксиста. Но не менее, если не более важно другое – то, что еще в 1908 г. Н.И. Кареев сформулировал, по сути, концепцию «равновесия» с пониманием абсолютизма как дворянского государства. Концепция же «равновесия» традиционно позиционировалась как достижение именно советской исторической науки. Как же было в действительности?

К чему приводит сопоставление текстов, должных отражать, как думается, разные концептуальные реалии? Кроме перенесения акцента с правового на социологический подход, иных изменений нет. Преемственность явно превалирует над дискретностью. Тем не менее, преждевременно делать выводы без рассмотрения западноевропейского абсолютизма как государства «торгового капитала». Теория «торгового капитала», как одна из модификаций марксизма, в сочетании с мессианским и конфронтационным дискурсом, выступает как попытка принципиального разрыва с дореволюционной историографией. Насколько она удалась?

Методологической основой общественных наук в 1920-х годах служила концепция А.А. Богданова. В соответствии с ней, общественное развитие обусловлено экономическими отношениями и проходит три стадии: первичное натуральное хозяйство, меновое хозяйство и социально-организованное хозяйство. Стадии менового хозяйства соответствует феодализм, по Богданову, – некая базовая форма, выступающая как исходная и для европейского крепостничества, и для античного рабства, и для восточной деспотии³⁶. По этой причине понятно, почему советские историки 1920-х годов находили «торговый капитализм» везде, от Римской империи да Китая³⁷.

По Богданову, феодализм характеризуется раздробленностью, феодальными войнами и иерархией, в которой король – не глава государства, а только последнее звено в цепи феодалов³⁸. С течением времени экономические связи порождали политические, крупные феодалы покоряли мелких, князья и короли начинали «собирать земли»³⁹. Так сложились обширные «абсолютно-монархические» организации, способные обеспечить на время ход развивающейся меновой жизни⁴⁰. Центральной фигурой этого периода выступал купец. Это и был торговый капитализм⁴¹, время расцвета абсолют-

ной монархии⁴². Роль последней состояла в объединении страны, уничтожении «остатков феодализма», усмирении непокорных феодалов, подавлении крестьянских выступлений⁴³.

Статья об абсолютизме М.Н. Покровского, главы советской исторической науки, является официальным видением проблемы. Согласно Покровскому, абсолютизм есть форма государственного устройства на основе торгового капитализма. Для европейских стран она соответствует периоду первоначального накопления, по Марксу, XV–XVIII вв.⁴⁴ Особый акцент делается на насильственном характере абсолютистского государства, которое, согласно Марксу, призвано «облегчить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии»⁴⁵.

Абсолютизм – это надстройка периода «торгового капитализма». По форме это «чисто личная власть», обусловленная «колоссальной силой денег»⁴⁶. При этом абсолютизм личности «на самом деле прикрывал собою абсолютизм торгового капитала»⁴⁷. Соответственно, государственные деятели периода абсолютизма – марионетки в руках торгового капитала. Данный тезис Покровский заострил в пропагандистском духе 1920-х годов. «Обществу казалось, что личность монарха “создает эпоху”: именно в это время сложились такие названия, как “век Людовика XIV”, “век Петра”, “век Екатерины” и т.п., которые с таким трудом удается вытравлять современным программам и учебникам истории... Эти лица были... такими же марионетками в руках капитала, как и современные буржуазные министры. Личная по форме власть была... властью класса. Естественно, что и существовала она, пока нужно было классу. Когда задача “первоначального накопления” была решена..., буржуазия стала тяготиться абсолютизмом...»⁴⁸.

Данная схема с максимально развитой социологической и классовой составляющей, идеологически акцентированная, подчеркивающая насильственный характер превращения феодального способа производства в капиталистический, концептуально нова. Всевластие торгового капитала, монархи как его

⁴² Там же. С. 103.

⁴³ Там же. С. 104.

⁴⁴ Покровский М.Н. Указ. соч. Стб. 87.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Стб. 88.

⁴⁷ Там же. Стб. 89.

⁴⁸ Там же. Стб. 89–90.

³⁶ Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. Пг., 1922. С. 60.

³⁷ Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Наука «убеждать»... С. 38–39.

³⁸ Богданов А.А. Указ. соч. С. 39.

³⁹ Там же. С. 77–87.

⁴⁰ Там же. С. 87.

⁴¹ Там же. С. 96.

марионетки, а также абсолютизм как буржуазное государство – все это в совокупности выглядит разрывом с дореволюционной традицией.

В то же время мы видим уже знакомую генерализацию абсолютизма, присутствующего не только в Европе, но и, по словам автора – всюду⁴⁹. Традиционны также датировка и атрибуты абсолютной монархии. Ничем не отличается от дореволюционной и негативная оценка абсолютизма. Тем не менее, баланс между преемственностью и дискретностью отчетливо смещен в сторону последней.

В обобщающих работах 1920-х годов по всеобщей истории идея «торгового капитализма» находилась на пике методологической конъюнктуры. Так, в обширном нарративе Н.Н. Розенталя – «Истории Европы в эпоху торгового капитализма» введение начинается определением: «“Торговым капитализмом” называется такой общественный строй, при котором экономическое и политическое господство в обществе принадлежит классу торговых капиталистов»⁵⁰. Описывая денежное хозяйство позднего Средневековья, Розенталь утверждает, что «там, где процесс обуржуазивания феодалов наталкивается на ряд препятствий, там он обычно нуждается в абсолютной монархии, т.е. такой форме государственной власти, которая является наиболее концентрированной формой общественного насилия»⁵¹. В работе «Западно-европейском средневековье» этот тезис поясняется: «С развитием капиталистических отношений в Европе непрерывно возрастала конкуренция между национальными группировками господствующих классов и обострялись внутренние социальные противоречия... В области политической жизни эти обстоятельства привели к замене неустойчивых форм сословно-монархического и республиканского строя железным режимом личной диктатуры. Необходимыми предпосылками для возникновения абсолютизма являлись деньги и войско»⁵².

Данное суждение Н.Н. Розенталя не лишено основания, тем более в сочетании с риторикой борьбы и диктатуры. Обстановка 1920-х годов, полная максимализма и экспериментов, привела советского историка к еще более радикальному выводу: «Уничто-

жение политической власти феодалов и установление абсолютизма могут рассматриваться как своеобразная форма буржуазной революции»⁵³. Так, по Розенталю, буржуазными революциями являются приход к власти во Флоренции партии Медичи, установление абсолютизма в Испании и Португалии⁵⁴. Во Франции в XV в. обладающая постоянным войском королевская власть смогла «нанести решительный удар феодализму и успешно завершить раннюю буржуазную революцию»⁵⁵.

Обобщающая «История Западной Европы до эпохи промышленного капитализма» В.Д. Преображенского не менее красноречива. Говоря об экономических предпосылках образования абсолютных монархий, Преображенский утверждает: «Торговый капитал и зарождавшийся капиталистический способ производства были заинтересованы в создании обширного и сильно централизованного государства... Только обширная, объединяющая всю нацию и сильно централизованная монархия могла взять на себя задачи охраны торговли и устройства торговых путей, а также задачи борьбы за рынки и захват новых торговых путей... Как орудие торгового капитала выдвигаются крупнейшие из феодалов – короли»⁵⁶.

Охарактеризованные выше работы действительно выглядят своего рода методологическим рывком, особенно в отношении абсолютизма как буржуазной революции. Однако не стоит это переоценивать. Если абсолютизм – это государство, где власть принадлежит торговым капиталистам, то возникает вопрос, кто такие эти «торговые капиталисты»? Н.Н. Розенталь отвечает на этот вопрос так: «Наряду с купцом, посредническую функцию выполняет и феодал-землевладелец; собирая с зависимого от него населения оброки и стремясь превратить их в деньги, он сам... втягивается в торговлю. Многие крупные торговые капиталисты вышли из рядов феодальной знати. Вместе с разбогатевшими купцами и промышленниками “неблагородного” происхождения, они образовали новый общественный класс – буржуазию, который и утвердил свое господство на развалинах феодализма»⁵⁷.

⁴⁹ Розенталь Н.Н. История Европы в эпоху торгового капитализма. С. 23.

⁵⁰ Там же. С. 17, 23, 25–26.

⁵¹ Там же. С. 61–62.

⁵² Преображенский В.Д. История Западной Европы до эпохи промышленного капитализма. Харьков, 1931. С. 272.

⁵³ Розенталь Н.Н. История Европы в эпоху торгового капитализма. С. 3.

⁴⁹ Там же. Стб. 87.

⁵⁰ Розенталь Н.Н. История Европы в эпоху торгового капитализма. Л., 1927. С. 1.

⁵¹ Там же. С. 23.

⁵² Розенталь Н.Н. Западно-европейское средневековье. Л., 1925. Ч. II: Позднее средневековье. С. 72.

В.Д. Преображенский называет абсолютную монархию «национальной» и считает ее дворянско-купеческим государством⁵⁸. Далее он указывает на весьма важное обстоятельство: «Говоря о трех классических формах эксплуатации, Энгельс соответственно наметил три основных типа государства: античное – рабовладельческое, феодальное – крепостническое и современное – капиталистическое. Легко заметить, что изучаемая политическая форма ни к одному из этих типов не подходит... Государство данной эпохи приобретает полуфеодальный и полукapиталистический характер...»⁵⁹. Наиболее же концентрированно позиция В.Д. Преображенского звучит так: «На дворянско-торгово-капиталистическое государство история возложила миссию создания внешней и внутренней обстановки, благоприятствующей обогащению, росту экономической мощи этих классов, наилучшим образом обеспечивающего эксплуатацию трудящихся масс в интересах социальных верхов. *Дворянство при этом во всем должно было послушно идти за капиталистами, несмотря на внешние знаки социального превосходства.* Эти новые государства можно назвать национальными монархиями»⁶⁰.

С.В. и Т.Н. Кондратьевы, характеризуя концепцию В.Д. Преображенского, говорят об отступлении в ней от схемы Покровского и формировании идеи «равновесия»⁶¹, и это справедливо. Идея кажущейся независимости государственной власти и «равновесия» озвучена В.Д. Преображенским, пусть и с опорой на К. Каутского и Ф. Энгельса⁶². Это еще «двухклассное» государство, приемлемое дореволюционной историографией, но не признаваемое советской марксистской. В ближайшей перспективе принятия формационной схемы, где государство, как аппарат классового насилия, будет выражать волю одного господствующего класса, требуемые коррективы будут сделаны. Здесь уместно привести известную цитату К. Маркса из «Морализирующей критики и критицирующей морали» полностью и с продолжением: «*Современная историография доказала, что абсолютная монархия возникает в переходные эпохи, когда старые феодальные сословия разлагаются, а средневековое сословие горожан скла-*

*дывается в современный класс буржуазии, и ни одна из спорящих сторон не взяла еще перевеса над другой. Таким образом, элементы, на которых зиждется абсолютная монархия, никоим образом не являются ее продуктом, наоборот, они образуют ее социальную основу, историческое происхождение которой слишком известно, чтобы говорить о ней здесь»*⁶³.

Итак, что же в итоге? Во-первых, концепция «равновесия» по факту присутствует, хотя еще не имеет названия. С другой стороны, не повторил ли Преображенский того, что уже было высказано о характере абсолютистского государства дореволюционными историками? Подобные методологические нюансы приводят к достаточно четким выводам. Например, о том, что даже такая радикальная попытка разрыва с дореволюционной традицией, как «школа Покровского», в проблематике западноевропейского абсолютизма была относительна. Да и могло ли быть по-другому, если марксизм, принятый на вооружение советской исторической наукой – результат развития той самой европейской буржуазной историографии, о которой говорит Маркс? Тем не менее, советские историки считали своим долгом от нее отмежеваться, хотя и не всегда удачно. В данном случае это привело к известному казусу с усечением трех первых слов вышеприведенной цитаты, подмеченному С.В. и Т.Н. Кондратьевыми⁶⁴.

На рубеже 1920–1930-х годов «школа Покровского» была развенчана, а затем отвергнута. «Методологическая волна» в виде концепции «торгового капитала» схлынула, оставив после себя уже существующую, но еще не оформленную до конца концепцию «равновесия». Дать ей название и вписать в новую формационную схему – вот в чем состояла задача советских историков в 30-х годах, красочно и исчерпывающе описанная в «Науке «убеждать»...».

Эта задача была выполнена – появилась каноническая концепция «равновесия», в соответствии с которой абсолютизм являлся дворянским государством эпохи позднего феодализма. В наиболее полном виде она была сформулирована в статье С.Д. Сказкина «Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме», изданной в 1941 г., согласно которой сущностью всякой феодальной монархии, в том числе и феодально-абсолютистской, является диктату-

⁵⁸ Преображенский В.Д. История Западной Европы. С. 275.

⁵⁹ Там же. С. 276–277.

⁶⁰ Преображенский В.Д. Происхождение современных государств Европы. М.: Л., 1927. С. 33.

⁶¹ Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Наука «убеждать»... С. 42–43.

⁶² Преображенский В.Д. Происхождение современных государств. С. 34–35.

⁶³ Маркс К. Морализирующая критика и критицирующая мораль: (к истории немской культуры) // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Отд. I: Публицистика, философия, история. М.: Л., 1929. Т. 5. С. 212.

⁶⁴ Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Наука «убеждать»... С. 111.

ра класса феодалов⁶⁵. Таковой концепция «равновесия» останется на долгие годы. Так, в апреле 1968 г. С.Д. Сказкин в выступлении на советско-итальянской конференции еще раз подтвердил это: «Мы, советские историки, ставим в качестве основного вопроса по абсолютизму и в Западной Европе, и в России вопрос о социальной основе абсолютизма и отвечаем на него так: абсолютизм есть последняя форма феодального государства дворянства в условиях экономического подъема класса буржуазии...»⁶⁶. Принципиально важным для советской историографии была борьба дворянства и буржуазии, взаимно ослаблявших друг друга, что способствовало усилению королевской власти. Против же идеи «социального равновесия» как консенсуса С.Д. Сказкин, разумеется, выступал категорически против. Он пояснял: «Дело вовсе не в том, что определенные слои дворянства срастаются с определенными слоями буржуазии – создается своего рода мир между двумя классами, и на этом мире будто бы покоится абсолютизм – как раз наоборот, именно потому, что интересы этих двух классов непримиримы, центральная власть, лавируя между ними, и приобретает на время некоторую самостоятельность по отношению к ним обоим»⁶⁷.

Сейчас уместно обратиться к вопросам проблематики абсолютизма, общим для дореволюционных и советских историков и сформулированным С.В. и Т.Н. Кондратьевыми⁶⁸. Ответы на эти вопросы, как оказалось, также близки. В обоих случаях западноевропейский абсолютизм – это государство переходной к капитализму эпохи, власть опирается на буржуазию и дворян и лавирует между ними, в конечном же итоге и в дореволюционной, и в советской историографии это – государство дворянское. Разница – в смене преимущественно правового подхода на социологический, императивах классовой борьбы и «одноклассного» государства, хотя то, что «абсолютная монархия все-таки больше тяготеет к дворянству»⁶⁹, отмечал еще Н.И. Кареев. Что же в итоге? Преемственность доминирует.

⁶⁵ Сказкин С.Д. Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме // Учен. зап. Московского гор. пед. ин-та. 1941. Т. 3, вып. 1. С. 8–9.

⁶⁶ О проблеме абсолютизма в Европе: [выступление на советско-итальянской конференции историков] // Архив Российской академии наук (далее – АРАН). Ф. 1472. Оп. 1. Д. 25. Л. 1.

⁶⁷ Там же. Л. 2.

⁶⁸ Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Б.Ф. Поршнев – интерпретатор французского абсолютизма. С. 69.

⁶⁹ Кареев Н.И. Западно-европейская абсолютная монархия. С. 272.

Почему данный сюжет не получил надлежащего освещения? В известном смысле этот вопрос можно считать риторическим. Советские историки, отмежевываясь от дореволюционной историографии, хоть и демонстрировали уважение к ней, однако любую преемственность категорически отвергали. Так, на заседании Ученого Совета Института истории АН СССР 15 октября 1948 г. Н.А. Сидорова озвучила главную опасность для советских медиевистов. Она заключается в «проникновении буржуазной идеологии в наши ряды, в ряды советских историков. Формы проникновения этой буржуазной идеологии и заражения ею отдельных товарищей, работающих на историческом фронте, самые разнообразные. Это и низкопоклонничество перед западной наукой, и преклонение перед традициями, идущими от буржуазной науки... У нас имеет место и совершенно слепое, некритическое отношение к своим учителям»⁷⁰. На том же заседании М.М. Смирин расставил акценты так: «Однако необходимо ведь помнить, что при всех своих заслугах старая русская медиевистика оставалась буржуазной наукой, не марксистской, и, следовательно, враждебной марксистской науке, и поэтому говорить здесь о какой-то прямой связи, о продолжении линии дореволюционной медиевистики в советской медиевистике – это глубокая ошибка, потому что цели, задачи и направление советской медиевистики – совершенно другие. Ведь мы, советские медиевисты, имеем своей задачей понять большой отрезок исторического времени с V до XVII века... с точки зрения современного трудового советского народа, который борется за коммунизм, который строит коммунизм...»⁷¹.

Подобная позиция сохранилась и впоследствии. Вот обсуждение монографии Е.В. Гутновой «Историография средних веков с середины XIX в. по 1917 г.: (учебное пособие)». З.В. Удальцова, как сильную сторону работы, отмечает: «В учебном пособии четко и убедительно прослеживается развитие в медиевистике рассматриваемого периода двух противоположных исторических мировоззрений – марксистского и буржуазного. Хорошо показана их борьба и противоположные тенденции их развития: марксистское направление в историографии все время развивалось прогрессивно, все более укрепляло свои позиции, тогда как буржуазное историческое мировоззрение все более запутывалось в острых

⁷⁰ Стенограмма заседания Ученого Совета Института истории АН СССР от 15 октября 1948 г. // АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 192. Л. 60, 61.

⁷¹ Там же. Л. 41, 42.

внутренних противоречиях, шло к своему кризису, начавшемуся на рубеже XIX и XX веков»⁷².

Разумеется, что при таких установках привлечь внимание к теме преемственности было чревато немалыми неприятностями. Тем не менее, она была, и, как показывает развитие концепта западноевропейского абсолютизма, была значительна. Дискретность возрастала бы (до известного момента) при развитии «школы Покровского». Однако последняя была отвергнута, причем данный сюжет, на первый взгляд, изученный, также представляет интерес.

Советская интерпретация западноевропейского абсолютизма могла бы еще раз подвергнуться радикальному изменению. Это произошло на рубеже 1940–1950-х годов, когда Б.Ф. Поршневым продвигалась идея классовой борьбы как движущей силы общественного развития. Данный сюжет, образно и полно раскрытый в книге «Наука “убеждать”...»⁷³, показывает не только подводные течения и сплетение личных и карьерных интересов в советской научной среде. Весьма важно то, что, предотвратив новую радикальную ломку, советские историки, в первую очередь С.Д. Сказкин, удержали оптимальную ситуацию, предоставлявшую возможность методологического маневра. В условиях идеологического канона это был максимум возможного.

И все же почему «бытует мнение, что советская историография кардинально пересмотрела дореволюционную концепцию абсолютизма»⁷⁴? Данное утверждение верно. В отношении *российского* абсолютизма. До Октябрьской революции существовали различные его интерпретации – от монархической до марксистской. Наиболее же влиятельной была государственная школа с известной идеей «закрепощения сословий государством» и постепенного их освобождения.

После Октябрьской революции все иные трактовки истории России, кроме марксистской, стали неприемлемы. И если в интерпретации западноевропейского абсолютизма, явления достаточно далекого от российского общества территориально и хронологи-

чески, была воспринята характерная для либеральной историографии ценностная и концептуальная основа, то в отношении российской монархии наблюдалась совершенно иная ситуация. Во-первых, свергнутая российская монархия в принципе могла быть только негативной. Во-вторых, дворяне и крестьяне – это два антагонистических класса, и оба они не могли быть закрепощены государством, как орудием диктатуры дворян. В-третьих, трактовки европейского и российского абсолютизма, ранее различные, должны были быть сведены в единую формационную схему, с классовой борьбой и правомерностью революций. Это и было сделано путем включения российского абсолютизма в концепцию «равновесия». Наконец, необходимо было создать общую марксистскую картину исторического развития, объединяющую в нем Европу и Россию, что и было реализовано в 1920–1930-х годах.

Таким образом, прошедшая значительный путь формирования, имплицитно существующая в российской либеральной историографии, а затем в «школе Покровского», концепция «равновесия» не являлась собственным творением советской историографии. Благодаря советским историкам в 1930-х годов концепция «равновесия» обрела свое каноническое воплощение – название, набор цитат классиков марксизма для обоснования, содержание, проблемное поле с социально-экономической доминантой и вытесненными на периферию государственно-правовыми вопросами. Что же касается дискретности, то она была определяющей в трактовке российского абсолютизма.

Было бы неверно утверждать, что созданная советскими историками трактовка европейского государства раннего Нового времени кардинально отличалась от дореволюционной. В развитии концепта западноевропейского абсолютизма в первые советские десятилетия возобладала преемственность. Остается лишь добавить, что исследование рефлексии концепта абсолютизма в российской историографии XX в. несомненно, выявит новые, ныне малоизученные, аспекты.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Англия и Франция на исходе XVIII в.: (Экономика и идеология). Пг., 1922.
- Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. Пг., 1922.
- Виппер Р.Ю. Новая история: [в 2 кн.]. М., 1923. Кн. 1: Новая история: 1500–1789.

⁷² Протокол совместного заседания кафедры истории средних веков исторического факультета МГУ и сектора истории средних веков Института всеобщей истории АН СССР 24 мая 1972 г. // АРАН. Ф. 1900. Оп. 1. Д. 90. Л. 24, 25.

⁷³ Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Наука «убеждать»... С. 182–241. См. также: Они же. Б.Ф. Поршнев в дискуссии о роли классовой борьбы в истории (1948–1953). С. 34–54.

⁷⁴ Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Б.Ф. Поршнев – интерпретатор французского абсолютизма. С. 69.

Виппер Р.Ю. Учебник истории: [в 3 кн.]. Рига, 1928. Ч. III: Новое время.

Всемирная история: В 6 т. М., 2013. Т. 3: Мир в раннее Новое время / отв. ред. В.А. Ведюшкин, М.А. Юсим.

Вульфшус А.Г. Западная Европа в Новое время. Пг., 1920.

Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: Общая характеристика бюрократического государства и сословного порядка общества Старого порядка. СПб., 1908.

Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е – начало 50-х годов XX века. Тюмень, 2003.

Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Б.Ф. Поршнев – интерпретатор французского абсолютизма // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции: К 100-летию Б.Ф. Поршнева (1905–1972). М., 2005. С. 68–85.

Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Б.Ф. Поршнев в дискуссии о роли классовой борьбы в истории (1948–1953) // Французский ежегодник 2007: Советская и французская историография в зеркальном отражении: 20-е – 80-е годы XX века. М., 2008. С. 34–54.

Кондратьева Т.Н. Проблемы французского абсолютизма в отечественной медиэвистике 20-х – начала 50-х годов XX века: Дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2002.

Малов В.Н. Три этапа и два пути развития французского абсолютизма // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции: К 100-летию Б.Ф. Поршнева (1905–1972). М., 2005. С. 86–128.

Малов В.Н. Парламентская Фронда: Франция: 1643–1653. М., 2009.

Маркс К. Морализирующая критика и критицизирующая мораль: (к истории немецкой культуры) // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Отдел I: Публицистика, философия, история. М.: Л., 1929. Т. 5.

Пименова Л.А. Власть монарха абсолютна, но не произвольна: Людовик XVI и парламенты в 1774 г. // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции: К 100-летию Б.Ф. Поршнева (1905–1972). М., 2005. С. 195–222.

Покровский М.Н. Абсолютизм // БСЭ. 1-е изд. М., 1926. Т. 1. Стб. 87–90.

Преображенский В.Д. Происхождение современных государств Европы. М.: Л., 1927.

Преображенский В.Д. История Западной Европы до эпохи промышленного капитализма. Харьков, 1931.

Раннее Новое время и «Всемирная история» в шести томах: размышления над страницами третьего тома (Материалы круглого стола, состоявшегося в Институте всеобщей истории РАН 11–12 декабря 2013 г.) // Средние века. 2014. Вып. 75 (3–4). С. 324–386.

Розенталь Н.Н. Западно-европейское средневековье. Л., 1925. Ч. II: Позднее средневековье.

Розенталь Н.Н. История Европы в эпоху торгового капитализма. Л., 1927.

Сказкин С.Д. Старый порядок во Франции. М.; Л., 1925.

Сказкин С.Д. Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме // Учен. зап. Московского гор. пед. ин-та. 1941. Т. 3, вып. I. С. 3–25.

Тарле Е.В. Падение абсолютизма в Западной Европе: Исторические очерки. М., 2010.

Уваров П.Ю. Французский король, его суды и его подследственный: (дело Филиппа Кавелье, 1546–1553) // Искусство власти: Сборник в честь проф. Н.А. Хачатурян. СПб., 2007. С. 236–257.

Цатурова С.К. Король Франции и его чиновники: (Своеобразие реализации принципа абсолютной власти Quod principi placuit) // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции: К 100-летию Б.Ф. Поршнева (1905–1972). М., 2005. С. 129–149.

Цатурова С.К. «Парламент при своем возникновении был государственным собранием»: истоки политических притязаний парламентариев: (размышления о своеобразии французской монархии) // Средние века. 2014. Вып. 75 (3–4). С. 9–42.

Чудинов А.В. «Королевское самодержавие» во Франции: история одного мифа // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции: К 100-летию Б.Ф. Поршнева (1905–1972). М., 2005. С. 259–293.